

Научная статья / Research Article

УДК 903.2

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(4).-02)

EDN: RDVKBL

АЛТАЙ В ЖУЖАНСКОЕ ВРЕМЯ: КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Алексей Алексеевич Тишкин^{1*}, Вадим Владимирович Горбунов²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
vadingorbunov67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. На Алтае археологические памятники жужанского времени составляют довольно представительную группу. Их изучение началось еще во 2-й половине XIX в., но основные научные материалы были получены в период с середины 1980-х до начала 2000-х гг. К настоящему времени сформировались многочисленные данные о погребальном обряде и материальной культуре населения, проживавшего на Алтае во 2-й половине IV — 1-й половине V в. н.э. Накопленные сведения позволили решать вопросы, связанные с хронологией конкретных археологических объектов, а также уточнить гипотезы об их этнокультурной принадлежности. В статье приведены характеристики и типологический анализ таких предметных комплексов, как вооружение, снаряжение человека, украшения костюма, снаряжение верхового коня, орудия труда и быта. Определены их аналогии и связи с разными культурными традициями. Обозначены отличительные признаки выделенного верх-уймонского этапа булан-кобинской археологической культуры и дан исторический контекст изученному материалу.

Ключевые слова: Алтай, жужанское время, культурно-хронологический анализ, вооружение, снаряжение, украшения, орудия труда, предметы быта

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Тишкин А.А., Горбунов В.В. Алтай в жужанское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №4. С. 25–47. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(4).-02)

ALTAI IN THE ROURAN TIME: CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ANALYSIS OF ARCHAEOLOGICAL MATERIALS

Alexey A. Tishkin^{1*}, Vadim V. Gorbunov²

¹Altai State University, Barnaul, Russia;
tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

²Altai State University, Barnaul, Russia;
vadingorbunov67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>

*Corresponding Author

Abstract. In Altai, archaeological sites of the Rouran times constitute a rather representative group. Their study began in the second half of the 19th century, but the main scientific materials were obtained in the period from the mid-1980s to the early 2000s. By now, numerous data on the burial rites and material culture of the population living in the Altai in the 2nd half of the 4th — 1st half of the 5th century AD have been formed. The accumulated data made it possible to solve questions related to the chronology of specific archaeological sites, as well as to clarify hypotheses about their ethno-cultural affiliation. The article presents characteristics and typological analysis of such object complexes as armament, human equipment, costume ornaments, equestrian equipment, tools of labour and everyday life. Their analogies and connections with different cultural traditions are determined. The distinctive features of the selected Verkh-Uymon stage of the Bulan-Koby archaeological culture are outlined and the historical context of the studied material is given.

Keywords: Altai, Rouran time, cultural and chronological analysis, armament, equipment, ornaments, tools, household items

Acknowledgments: this work was financially by Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00470 «The world of ancient nomads of Inner Asia: interdisciplinary studies of material culture, sculptures and economy»).

For citation: Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Altai in the Rouran Time: Cultural and Chronological Analysis of Archaeological Materials. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(4):25–47. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(4).-02)

Введение
В последние два века I тыс. до н.э. и в 1-й половине I тыс. н.э. на территории Алтая существовало крупное объединение племен, оставившее памятники булан-кобинской археологической культуры, процесс выделения и изучения которой в разном формате уже освещался в публикациях (Соенов, 2003, с. 4–14; Тишкин, 2007, с. 158–173; 2010; Серегин, Матренин, 2014, с. 6–60; и др.). В начале XXI в. авторы данной статьи разработали культурно-хронологическую схему изучения истории Алтая на протяжении поздней древности, раннего и развитого средневековья (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 154–163; Тишкин, 2007, с. 79–234). В ней для булан-кобинской культуры на основе типологического анализа инвентаря из исследованных погребений выделены три последовательных этапа: 1) усть-эдиганский (II в. до н.э. — I в. н.э.); 2) бело-бомский (II — 1-я половина IV в. н.э.); 3) верх-уймонский (2-я половина IV — 1-я половина V в. н.э.) (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 160–161). Все они были соотнесены с военно-политическим господством во Внутренней Азии кочевых держав хунну (сюнну), сяньби и жужаней. Характеристика усть-эдиганского и бело-бомского этапов, отражающих ситуацию на Алтае в хуннское (сюннское) и сяньбийское время, опубликована (Тишкин, Горбунов, 2006, 2020). Цель настоящей статьи — представить результаты комплексного анализа археологических материалов из памятников завершающего верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры.

Материалы, методы и результаты исследований

Первые археологические объекты, которые можно отнести к жужанскому (предтюркскому) времени, раскопаны на Алтае В.В. Радловым на могильниках Катанда-I и Берель в 1865 г. Но полученные результаты вводились в научный оборот постепенно и довольно долго (Захаров, 1926, с. 76–80; Гаврилова, 1965, с. 54–55; Сорокин, 1969, с. 231, 234; Радлов, 1989, с. 443–445, 451). А.А. Гаврилова выделила их в берельский тип

могил, а также дала им этнокультурное и хронологическое определение. Исследовательница предполагала, что берельская группа датируется IV–V вв. н.э., отражает «хуннские» и «позднесарматские» культурные традиции и могла быть оставлена алтайскими племенами «...тйелэ до прихода на Алтай тюрок-тугю в конце V в.» (Гаврилова, 1965, с. 57, 105).

Дальнейшее изучение обозначенного периода стимулировали раскопки могильника Кок-Паш в 1983–1985 гг. и 1987 г. в восточной части Алтая. Исследователи, проводившие эти работы, выделили кок-пашский тип погребений III–V вв. н.э. (Елин, Васютин, 1984, с. 37–38), что позднее породило идею об одноименной культуре (Елин, 1992, с. 76). В обобщающей монографической публикации памятника Кок-Паш его верхняя дата доведена до VI в. н.э., при этом отмечена близость с культурными традициями поздних хунну и происхождение в результате миграции кокэльского населения из Тувы (Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 31–34, 40–43).

В конце 1980-х гг. и потом до 2010-х гг. были получены новые и существенные материалы по рассматриваемому этапу. Их дали раскопки на следующих памятниках и территориях: Верх-Уймон и Чендек (Юго-Западный Алтай), Яломан-II (Центральный Алтай), Верх-Еланда-II, Дялян, Усть-Бийке-III и Чобурак-I (Северный Алтай). Часть этих некрополей некоторые исследователи еще продолжали связывать с берельским типом могил, но многие специалисты рассматривали их в качестве поздних комплексов булан-кобинской культуры (Тетерин, 1991, с. 156–157; Соенов, Эбель, 1992, с. 61; Соенов, 2003, с. 53; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 131; Серегин и др., 2023, с. 208; и др.). Важным представляется то, что по материалам из ряда памятников (Верх-Уймон, Яломан-II и Чобурак-I) были получены серии радиоуглеродных дат, ядро которых находится в ранее обозначенных хронологических рамках верх-уймонского этапа (Соенов и др., 2005, с. 171; Тишкин, 2007, с. 181, 269–270, 275–277; Тишкин, Матренин, 2013; Тишкин, 2017; Серегин и др., 2023, с. 199–200; и др.).

Погребальная обрядность заключительного этапа булан-кобинской культуры сохраняла многие особенности, характерные для изученных объектов усть-эдиганского и бело-бомского этапов (Тишкин, Горбунов, 2006, с. 31; 2020, с. 34). Надмогильные сооружения по-прежнему имели относительно небольшие каменно-земляные или только каменные насыпи округлой, овальной либо подчетырехугольной формы. Курганы с подчетырехугольной насыпью в то время были характерны для Восточного Алтая (Кок-Паш), а округлые и овальные насыпи преобладали в остальных районах. Более выраженными стали кrepidы. Среди них встречаются стенки из уложенных плашмя камней, насчитывающих от пяти до десяти слоев (Яломан-II, Кок-Паш). Планиграфия могильников остается прежней, но помимо тесных цепочек появляются курганы, построенные друг к другу по принципу формирования пчелиных сот (Яломан-II). Среди внутримогильных сооружений доминировали каменные ящики из достаточно тонких плит, использовались деревянные ящики и колоды, комбинированные каменно-деревянные конструкции и обкладка камнями дна могилы. На могильнике Верх-Уймон зафиксированы ямы с подбоем (Соенов, 2000, с. 48–49, рис. 6). Сохранились все известные ранее способы погребений и их ориентации: ингумация в сопровождении коня и без него, расположение умерших вытянуто на спине, направление захороненных людей и лошадей головой в восточный или западный сектор. К новым элементам обря-

да относится размещение коней в могильной яме на приступке выше человека (Берель, Катанда-1, Верх-Уймон), что в дальнейшем станет характерной чертой для погребальных памятников тюркской культуры.

Особое внимание привлекает курган №43, исследованный на памятнике Кок-Паш. Там на полу каменного ящика было рассыпано скопление кальцинированных костей (Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 180, рис. 28). Из инвентаря в могиле найден только неорнаментированный керамический сосуд, к сожалению, неправильно подписанный в иллюстрации опубликованной монографии (Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 6.-10). Этот объект, судя по конструкции и расположению на могильном поле, является одновременным с другими погребениями, в которых реализована одиночная ингумация. Столь раннее появление в горах Алтая обряда кремации явно не было связано с кыргызами. В указанном случае, скорее всего, можно предполагать результат контактов с синхронным населением Тувы (Кызласов, 1979, с. 114; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 41).

Набор погребального инвентаря из памятников верх-уймонского этапа включает следующие предметные комплексы: вооружение, снаряжение человека, снаряжение верхового коня, орудия труда и быта, украшения костюма. На основе типологического анализа осуществлен культурно-хронологический анализ имеющихся археологических материалов.

Вооружение представлено оружием дальнего боя: сложносоставные луки и наконечники стрел; оружием таранного удара: наконечники копий; оружием ближнего боя: мечи, боевые ножи, кинжалы; воинским доспехом: панцирные пластины.

В памятниках верх-уймонского этапа сложносоставные луки сохраняются в виде наборов роговых накладок, изредка с деревянной кибитью. По составу накладок они делятся на два типа: из семи (рис. 1.-1) и шести (рис. 1.-2) штук. По конструкции это были луки как у хунну (сюнну), хорошо известные населению булан-кобинской культуры на предыдущих этапах (Тишкин, Горбунов, 2006, рис. 1.-1, 2; 2020, рис. 1.-1, 2). Их срединные накладки сохраняют оформление, которое было характерно для бело-бомских экземпляров (Тишкин, Горбунов, 2020, с. 34). Луки хуннских типов продолжали активно бытовать до V в. н.э. включительно, но на Алтае они уже не известны во 2-й половине V в. н.э., где их заменяют тюркские изделия разных модификаций (Горбунов, 2006, с. 20–26).

Боевые наконечники стрел верх-уймонского этапа сделаны из железа и снабжены черешковым насадом. Самыми многочисленными являются находки с трехлопастным пером (рис. 1.-3–43). По абрису пера среди них выделяются ярусные (рис. 1.-3–20), треугольные (рис. 1.-21), ромбические (рис. 1.-22–30), шестиугольные (рис. 1.-31–35), пятиугольные (рис. 1.-36), листовидные (рис. 1.-37–40) и килевидные (рис. 1.-41–43). У ярусных наконечников верхний ярус может быть короче нижнего (рис. 1.-3, 4, 7, 8), почти равным ему (рис. 1.-10, 12, 13, 16, 18–20) или длиннее его (рис. 1.-5, 6, 9, 11, 14, 15, 17). Изделия с коротким верхним ярусом продолжали развитие наконечников стрел хуннской традиции, появившихся еще во II в. до н.э. (Худяков, 1986, рис. 5.-14–20, 22–24). Экземпляры с равновеликими ярусами представляют южно-сибирскую модифи-

кацию таких стрел, возникшую во II в. н.э. (Неверов, Мамадаков, 1991, с. 129, рис. 2.-6, 10, 13, 14). И те, и другие активно применялись на бело-бомском этапе булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2020, с. 34, 36, рис. 1.-3–19). Но изделия с длинным верхним ярусом в его объектах не известны и, вероятно, появились не ранее середины IV в. н.э. В целом трехлопастные ярусные наконечники стрел выходят из употребления на территории Алтая к середине V в. н.э., и в ранних тюркских памятниках они представлены единичными экземплярами (Горбунов, 2006, с. 44, рис. 26.-1; Соенов и др., 2009, с. 79–80, рис. 8.-1).

Трехлопастные наконечники треугольной и шестиугольной формы применялись булан-кобинским населением на усть-эдиганском этапе (Тишкин, Горбунов, 2006, рис. 1.-3–7) и продолжали использоваться на следующем (Тишкин, Горбунов, 2020, рис. 1.-20, 21, 31, 32). Экземпляры с общим ромбическим очертанием пера получили широкое распространение на бело-бомском этапе (Тишкин, Горбунов, 2020, рис. 1.-22–30). Во Внутренней Азии треугольные, ромбические, шестиугольные и листовидные наконечники стрел были известны у хунну (сюнну) и сяньби, а также у населения кокэльской и таштыкской культур на протяжении II в. до н.э. — V в. н.э. (Худяков, 1986, рис. 5.-1–13; 25.-1–30; 36.-1–6, 22, 23; Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, рис. 1.-27, 28). Отличие верх-уймонских стрел заключается в большем разнообразии у них шестиугольных наконечников и появлении новых форм (пятиугольной и килевидной), отсутствовавших на предыдущих этапах и получивших дальнейшее развитие в раннем средневековье (Горбунов, 2006, с. 38–39).

Редкими типами наконечников стрел являются ярусные изделия с трехгранно-трехлопастным пером, где верхний ярус образует трехгранник, а нижний — раскован на три лопасти (рис. 1.-44–46). Скорее всего, они происходят из совмещения ярусной формы пера с новым сечением, заимствованным «булан-кобинцами» у населения кенкольской культуры Семиречья. На Алтае такие экземпляры пока известны только на верх-уймонском этапе (Горбунов, 2006, с. 39).

Некоторые из трехлопастных и трехгранно-трехлопастных наконечников снабжены прорезями в лопастях и роговыми свистунками у основания пера. Отличительной деталью части из них является кольцевой упор при переходе пера в черешок (рис. 1.-4–7, 9–12, 15–17, 19, 22, 25, 29, 35, 44, 45). Этот признак появился у наконечников стрел в середине IV в. н.э. (Горбунов, 2006, с. 43).

Помимо трехгранно-трехлопастных в памятниках верх-уймонского этапа обнаружены и другие бронебойные наконечники стрел — трехгранные экземпляры треугольного и листовидного абриса (рис. 1.-47, 48), а также четырехгранные изделия килевидной и четырехугольной формы (рис. 1.-49–53). Близкие им единичные образцы есть в материалах усть-эдиганского и бело-бомского этапов (Тишкин, Горбунов, 2006, рис. 1.-8; 2020, рис. 1.-36). Трехгранные наконечники стрел находят аналогии в памятниках хунну (сюнну) II в. до н.э. — I в. н.э., а особенно близкие — в археологических комплексах Средней Азии II–V вв. н.э. (Худяков, 1986, рис. 6.-1; Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 6.-7–10, 13–24; Литвинский, 2001, табл. 29.-25–36). Четырехгранные изделия имеют прототипы в материалах кокэльской культуры Тувы (Худяков, 1986, рис. 27.-5–11).

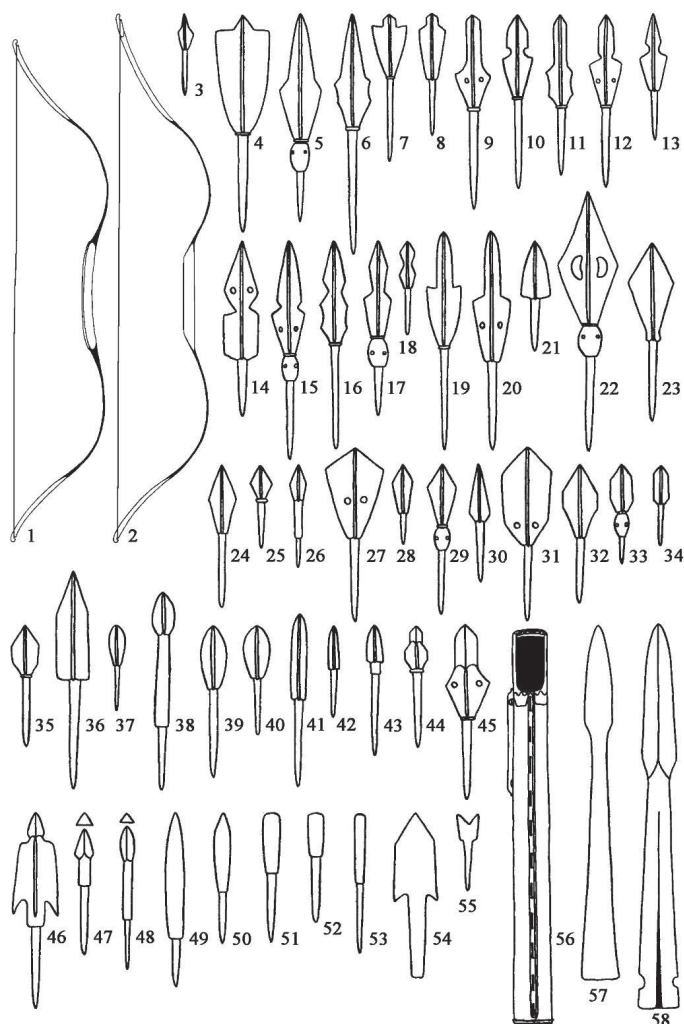

Рис. 1. Материалы верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры (2-я половина IV — 1-я половина V в. н.э.): стрелковое (1–56) и древковое (57–58) оружие. Памятники: Берель — 54; Верх-Еланда-II — 32; Верх-Уймон — 2, 8, 14, 23, 25, 31, 34, 37, 52, 55; Дялян — 4–6, 11, 27, 36, 39; Катанда-I — 57, 58; Кок-Паш — 13, 16, 18–21, 26, 28, 30, 33, 38, 40–42, 46, 48–51, 53; Усть-Бийке-III — 1, 24, 44, 47; Чендек — 3; Яломан-II — 7, 9, 10, 12, 15, 17, 22, 29, 35, 43, 45, 56. Материал: 1, 2 — рог, дерево; 3, 4, 6–14, 16, 18–21, 23–28, 30–32, 34–55, 57, 58 — железо; 5, 15, 17, 22, 29, 33 — железо, рог; 56 — ткань, дерево. Масштаб: 1, 2 — 1:12; 3–55, 57, 58 — 1:3; 56 — 1:10

Fig. 1. Materials from the Verkh-Uymon stage of the Bulan-Koby culture (2nd half of the 4th — 1st half of the 5th centuries AD): arrow (1–56) and shaft (57–58) weapons. Sites: Berel — 54; Verkh-Elanda-II — 32; Verkh-Uymon — 2, 8, 14, 23, 25, 31, 34, 37, 52, 55; Dyalyan — 4–6, 11, 27, 36, 39; Katanda-I — 57, 58; Kok-Pash — 13, 16, 18–21, 26, 28, 30, 33, 38, 40–42, 46, 48–51, 53; Ust'-Biyke-III — 1, 24, 44, 47; Chendek — 3; Yaloman-II — 7, 9, 10, 12, 15, 17, 22, 29, 35, 43, 45, 56. Material: 1, 2 — horn, wood; 3, 4, 6–14, 16, 18–21, 23–28, 30–32, 34–55, 57, 58 — iron; 5, 15, 17, 22, 29, 33 — iron, horn; 56 — fabric, wood. Scale: 1, 2 — 1:12; 3–55, 57, 58 — 1:3; 56 — 1:10

Редкими в верх-уймонских материалах являются наконечники стрел с однолопастным пером, представленные пятиугольным с шипами и вильчатый экземплярами (рис. 1.-54, 55). Шипастые наконечники, но треугольной формы известны у хунну (сюнну), сяньби и у носителей таштыкской культуры (Худяков, 1986, рис. 6.-8; 36.-27, 28; Худяков, Юй Су-Хуа, 2005, рис. 1.-29). Вероятно, новая пятиугольная форма была перенесена на известную однолопастную конструкцию с шипами. Вильчатые наконечники стрел есть в стрелковом наборе сяньби II–III вв. н.э. (Худяков, Юй Су-Хуа, 2005, с. 12, рис. 1.-40), и от них они могли попасть к булан-кобинскому населению.

На верх-уймонском этапе стрелы носились в цилиндрических колчанах, которые могли вместить больше 30 штук. Известны фрагменты берестяных футляров (Тетерин, 2004, с. 54), вероятно, заимствованных у сяньби (Горбунов, 2006, с. 45). Также встречаются остатки колчанов, корпус которых изготавливался из плотной тканой материи, пришивавшейся к изготовленным деревянным деталям: круглому днищу, крышке в форме полумесяца и вертикальной планке. Сбоку крепился еще один конструктивный элемент из древесины с двумя пазами под портупейные ремни, а горловину украшал ряд аппликаций из коры (рис. 1.-56) (Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 52, 53, 57, 58, 75, 76).

Железные наконечники копий найдены в двух погребениях на могильнике Катанда-I. Они имеют узкое выраженное перо (ромбовидного или линзовидного сечения) с плечиками, килевидной и вытянуто-ромбической формы, и коническую втулку, длина которой больше или почти равна перу (рис. 1.-57, 58). Такие наконечники копий практически копируют сяньбийские изделия IV–V вв. н.э. (Горбунов, 2022, с. 210, рис. 9 и 10) и заметно отличаются размерами и оформлением от образца, известного на бело-бомском этапе (Тишкин, Горбунов, 2020, рис. 1.-40).

Длинноклинковое оружие представлено железными мечами. Экземпляр с двухлезвийным линзовидным клинком, переходящим через выраженные плечики в прямой черен (рис. 2.-1), являлся дальнейшим развитием мечей усть-эдиганского и бело-бомского этапов (Тишкин, Горбунов, 2006, рис. 1.-16; 2020, рис. 1.-50), отличаясь от них более широким полотном клинка и наличием штифтов для крепления обкладки рукояти. Такие изделия получили распространение ближе к концу IV в. н.э. (Тетерин, 2004, с. 57–58). Остальные найденные верх-уймонские мечи имеют однолезвийный клинок. Среди них есть изделия без перекрестия и навершия (Серегин и др., 2023, табл. 46.-1, 9, 13), имеются экземпляры с крюковым и кольцевым навершием (рис. 2.-2, 3), с дисковым навершием и обоймой для рукояти (рис. 1.-4), а также с кольцевым навершием и перекрестием (рис. 1.-5). Однолезвийные мечи без перекрестия появились во Внутренней Азии со II в. до н.э. у хунну (сюнну). Они могли не иметь навершия и снабжаться кольцевым или крюковым навершием (Худяков, 1986, рис. 11.-1, 2). Мечи с дисковым навершием и обоймой распространились у сяньби со II в. н.э. Такая деталь, как срезанное окончание клинка у булан-кобинского экземпляра (рис. 1.-4), характерна для сяньбийского оружия (Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, рис. 3.-1–10). Самые поздние аналогии обнаруживает изделие с кольцевым навершием и перекрестием. Сочетание обозначенных признаков указывает на нижнюю дату, которая ближе к рубежу IV/V в. н.э. (Тетерин, 2004, с. 59–60; Горбунов, 2006, с. 64–65). Важно отметить, что среди булан-ко-

бинских памятников однолезвийные мечи найдены только в объектах верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры.

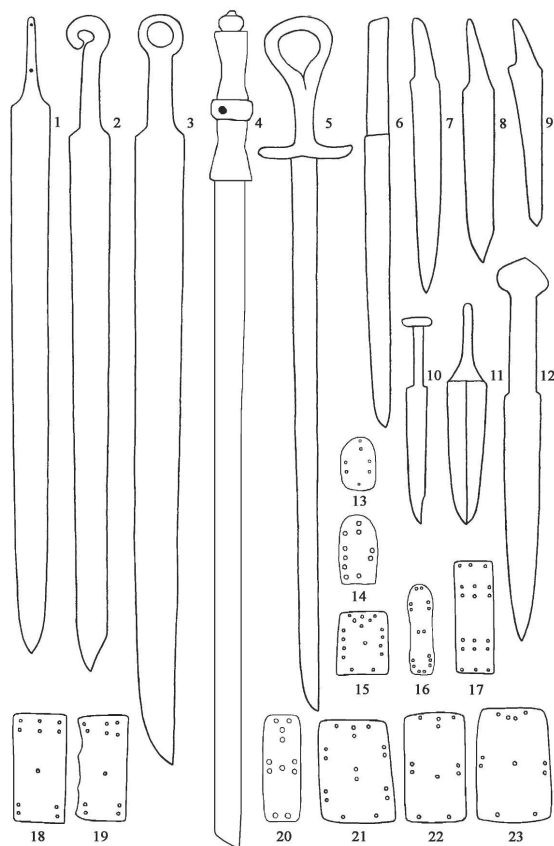

Рис. 2. Материалы верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры (2-я половина IV — 1-я половина V в. н.э.): клинковое оружие (1–12) и доспех (13–23). Памятники: Берель — 5, 17; Верх-Уймон — 16; Дялян — 1, 11; Кок-Паш — 2, 3, 8, 10, 12, 15; Купчегень-1 — 14; Усть-Бийке-III — 9; Чендек — 21–23; Чобурак-I — 13; Яломан-II — 4, 6, 7, 18–20. Материал: 1–3, 5–11, 13–23 — железо; 4 — железо, камень, дерево; 12 — железо, дерево. Масштаб: 1–5 — 1:4; 6–23 — 1:3

Fig. 2. Materials of the Verkh-Uymon stage of the Bulan-Koby culture (2nd half of the 4th — 1st half of the 5th centuries AD): bladed weapons (1–12) and armour (13–23). Sites: Berel — 5, 17; Verkh-Uymon — 16; Dyalyan — 1, 11; Kok-Pash — 2, 3, 8, 10, 12, 15; Kupchegen-1 — 14; Ust'-Biyke-III — 9; Chendek — 21–23; Choburak-I — 13; Yaloman-II — 4, 6, 7, 18–20. Material: 1–3, 5–11, 13–23 — iron; 4 — iron, stone, wood; 12 — iron, wood. Scale: 1–5 — 1:4; 6–23 — 1:3

Обнаруженные боевые ножи в основном представляют собой экземпляры, близкие к изделиям бело-бомского этапа (Тишкин, Горбунов, 2020, рис. 1.-45, 46). Их клинки имеют треугольное сечение с выпуклым обухом, а черен наклонен в сторону лезвия (рис. 2.-7–9). На Алтае такие ножи стали выходить из употребления к концу V в. н.э. (Горбунов, 2006, с. 77–78). Оригинальными на верх-уймонском этапе стали длинные

ножи с прямым череном (рис. 2.-6), носившиеся парами в одних ножнах (Горбунов, 2006, рис. 63.-1), и ножи с брусковидным навершием (рис. 2.-10).

Кинжалы, достаточно разнообразные среди материалов усть-эдиганского и бело-бомского этапов (Тишкин, Горбунов, 2006, рис. 1.-9, 10, 12–15; 2020, рис. 1.-41–44), в исследованных верх-уймонских объектах встречаются существенно реже. Они представлены изделиями без перекрестия. У одного из них имеется клинок ромбовидного сечения и прямой черен без навершия (рис. 2.-11), а у другого — клинок линзовидного сечения и прямой черен с овальным навершием из дерева (рис. 2.-12). Все эти признаки уже были известны у бело-бомских кинжалов (Тишкин, Горбунов, 2006, с. 36), и верх-уймонские образцы лишь продолжили данную линию развития.

Значительное распространение на верх-уймонском этапе получили средства воинской защиты, представленные пластинами от ламеллярных панцирей. Они найдены в 12 могилах, где встречены одна или две пластины, полоса из нескольких пластин, несколько полос и целый панцирь (Горбунов, 2023, с. 154). Все пластины сделаны из железа и снабжены отверстиями. Самым архаичным является мелкое овальнопрямоугольное изделие с семью боковыми и срединными (верхними и нижними) отверстиями (рис. 2.-13), близкое по форме к усть-эдиганским пластинам (Тишкин, Горбунов, 2006, рис. 1.-17, 18), а по форме и системе отверстий — к бело-бомскому образцу (Тишкин, Горбунов, 2020, рис. 1.-47). Такие пластины восходят к хуннуско-китайской традиции и активно бытовали во II в. до н.э. — V в. н.э. К данному типу можно отнести пластину, обнаруженную на одном из поселений. Наличие на ее боку добавочных отверстий для канта (рис. 2.-14) находит соответствие на экземпляре из верх-уймонского погребения (рис. 2.-16). Добавочные отверстия стали характерными для позднесяньбийского доспеха с рубежа IV/V в. н.э. Большинство пластин имеет прямоугольную форму и сяньбийскую систему крепления с присущими ей центральными отверстиями (рис. 2.-15, 18–23), сформировавшуюся в начале IV в. н.э. Вырабатывались на рассматриваемом этапе и собственно булан-кобинские черты в оформлении пластин, выраженные в размещении окантовочных отверстий не только внизу, но и сверху изделия (рис. 2.-15, 17, 20–23). Также в верх-уймонских материалах зафиксированы пластины с фигурным оформлением боков (рис. 2.-16, 19), ставшие затем популярными в раннем средневековье (Горбунов, 2023, с. 156–157).

Снаряжение человека включает поясную гарнитуру: пряжки, распределители ремней, тренчики, наконечники, звенья и бляхи.

В памятниках верх-уймонского этапа найдены многочисленные железные пряжки на основной пояс и для портупейных ремней. Среди них есть простые рамчатые изделия с подвижным язычком овальной и округлой формы (рис. 3.-1, 2), хорошо известные на предыдущих этапах и восходившие к хуннуской традиции (Тишкин, Горбунов, 2006, с. 33, рис. 1.-25, 27; 2020, с. 37, рис. 2.-2, 3, 10). Однако все же преобладают пряжки с подвижным щитком-зажимом, прямоугольной, округлой и Т-образной рамкой (рис. 3.-6, 7, 15), получившие распространение с бело-бомского этапа и характерные для сяньбийской линии развития (Тишкин, Горбунов, 2020, с. 37, рис. 2.-9, 11, 17, 24). К ним близки пряжки с Т-образной рамкой и язычком на вертлюге (рис. 3.-16). Новый вариант демонстрируют найденные пряжки с подвижным щитком из двух лопастей (рис. 3.-3, 4). Разнообраз-

нее стали изделия с неподвижным щитком (рис. 3.-13, 14, 17), представленные на предшествующем этапе лишь единично (Тишкин, Горбунов, 2020, рис. 2.-25). Такая конструкция известна в разных районах Евразии во II–V вв. н.э., но более активно начала применяться с VI в. н.э. (Матренин, 2017, с. 49). Особую группу образуют пряжки со шпильковым креплением ремня (рис. 3.-9, 10). Они, видимо, имеют западное происхождение, но применялись хунну (сюнну), сяньби, населением кокэльской и таштыкской культуры в I–V вв. н.э. На Алтай такие вещи попали не раньше IV в. н.э. и вышли из употребления к середине V в. н.э., так как они не известны в комплексах тюркской культуры (Матренин, 2017, с. 50–52). Наследием бело-бомского этапа являются крючки, выполнявшие роль пряжки-застежки на стрелковых поясах (Тишкин, Горбунов, 2020, с. 37, рис. 2.-23). На верх-уймонском этапе они становятся разнообразнее и, помимо поперечной планки на загнутом окончании, могли иметь петельчатое основание с подвижным щитком-зажимом, без него или сплошной неподвижный щиток (рис. 3.-27–29). Эти изделия вписываются в сяньбийскую традицию. Они применялись населением Внутренней Азии и сопредельных регионов до начала VI в. н.э. (Матренин, 2017, с. 12–14).

Железные хозяйственные ножи верх-уймонского этапа вариативны. У них однолезвийный клинок и чаще прямой (реже наклонный) черен с одним (рис. 4.-27, 31, 32) или двумя (рис. 4.-25, 26, 28, 30, 33) плечиками. Встречаются мелкие экземпляры (рис. 4.-30), близкие к усть-эдиганским образцам (Тишкин, Горбунов, 2006, рис. 2.-12), но большинство ножей находят соответствия в бело-бомских материалах (Тишкин, Горбунов, 2020, рис. 3.-25–30). Оригинален нож с навершием и невыделенным череном (рис. 4.-29). Редкой находкой является серповидный нож (рис. 4.-34), близкий позднешурмакским изделиям из Тувы (Кызласов, 1979, рис. 82.-3–6).

Шилья представлены изделиями с железным острым стержнем трех- или четырехгранного сечения и череном, на который насаживалась деревянная рукоять (рис. 4.-35–38). Эти предметы не показательны в плане датировки и за редким исключением не выделяются в составе инвентаря на ранних этапах булан-кобинской культуры (Серегин и др., 2023, с. 159).

Тесла составляют небольшую, но устойчивую серию деревообрабатывающих орудий. Они изготовлены из железа, имеют несомкнутую втулку и рабочее полотно с дуговидным лезвием. Втулка либо ровно переходит в полотно (рис. 4.-39), либо имеет слабовыраженные плечики (рис. 4.-40). Аналогичные изделия появились во II в. н.э. и, вероятнее всего, заимствовались населением Алтая у народов Западной Сибири (Серегин и др., 2022, с. 93–94).

Единичными находками являются крючки. Один из них, роговой с длинным стержнем (рис. 4.-41), мог предназначаться для вязания рыболовных сетей (Соенов, Эбель, 1992, с. 45). Другой, железный, более мелкий и с загнутым острием (рис. 4.-42), явно служил для удилищной ловли. Эти вещи отражают сферу хозяйственной деятельности булан-кобинского населения, не зафиксированную в ранних комплексах.

Костяные трубочки верх-уймонского этапа (рис. 4.-43–46) аналогичны усть-эдиганским и бело-бомским экземплярам, имеющим хуннское происхождение (Тишкин, Горбунов, 2006, рис. 2.-14–17; 2020, рис. 3.-31–34). Сейчас их можно интерпретировать как своеобразные наконечники на деревянную рукоять плети, иногда дополнявшуюся навершием (Серегин и др., 2023, с. 161–166, табл. 85–86).

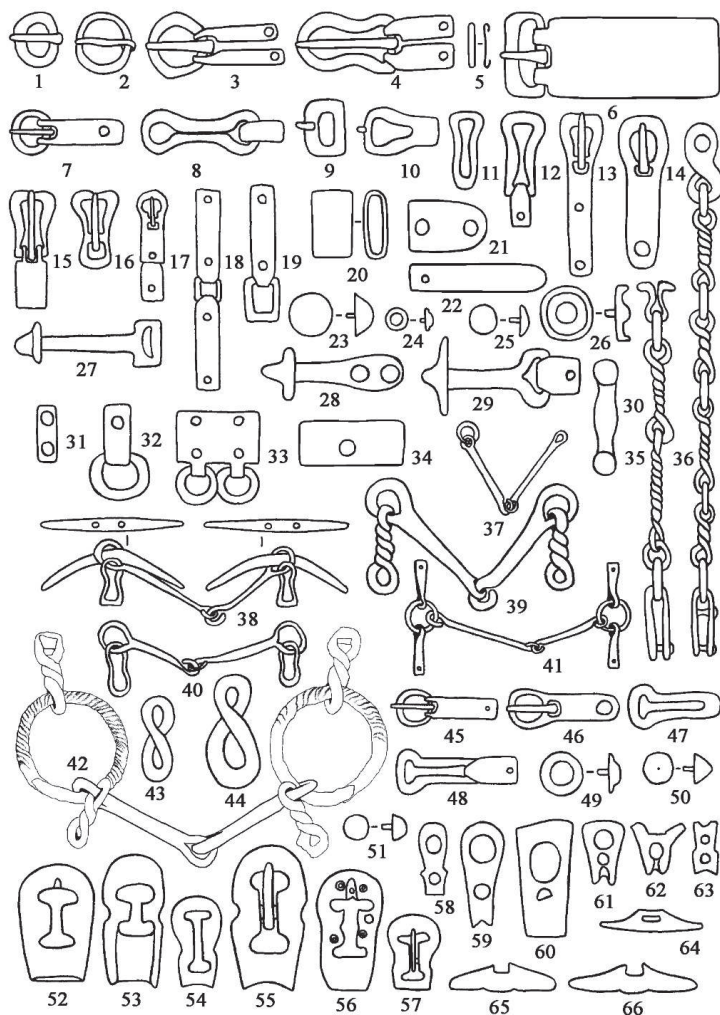

Рис. 3. Материалы верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры (2-я половина IV — 1-я половина V в. н.э.): снаряжение человека (1–36) и верхового коня (37–66). Памятники: Берель — 52, 57; Верх-Уймон — 38, 40, 41, 45, 50, 56, 59; Кок-Паш — 2, 5, 8–10, 13, 15, 22, 27, 34, 64; Усть-Бийке-III — 1, 7, 37, 63; Чобурак-I — 42; Яломан-II — 3, 4, 6, 11, 12, 14, 16–21, 23–26, 28–33, 35, 36, 39, 43, 44, 46–49, 51, 53–55, 60, 58, 61, 62, 65, 66. Материал: 1–21, 23–37, 39–50 — железо; 22, 51 — цветной металл; 38 — железо, рог; 52–66 — рог и кость.
Масштаб: 1–36, 43–66 — 1:3; 37–42 — 1:4

Fig. 3. Materials from the Verkh-Uymon stage of the Bulan-Koby culture (2nd half of the 4th — 1st half of the 5th centuries AD): human (1–36) and horse (37–66) equipment. Sites: Berel — 52, 57; Verkh-Uymon — 38, 40, 41, 45, 50, 56, 59; Kok-Pash — 2, 5, 8–10, 13, 15, 22, 27, 34, 64; Ust'-Biyke-III — 1, 7, 37, 63; Choburak-I — 42; Yaloman-II — 3, 4, 6, 11, 12, 14, 16–21, 23–26, 28–33, 35, 36, 39, 43, 44, 46–49, 51, 53–55, 60, 58, 61, 62, 65, 66. Material: 1–21, 23–37, 39–50 — iron; 22, 51 — non-ferrous metal; 38 — iron, horn; 52–66 — horn and bone. Scale: 1–36, 43–66 — 1:3; 37–42 — 1:4

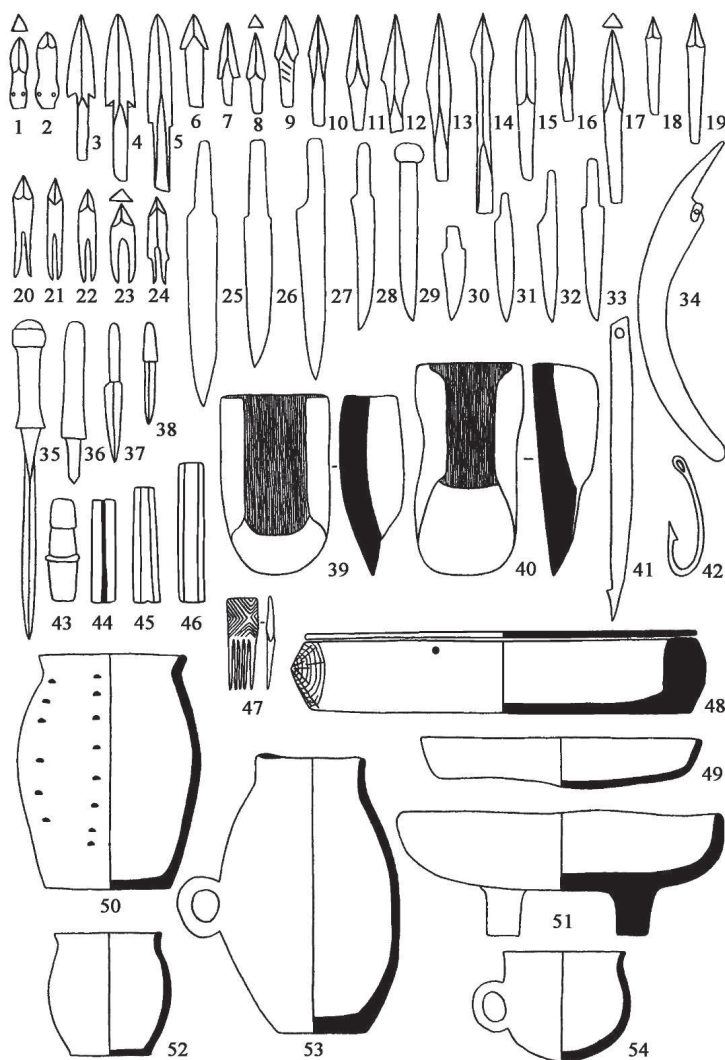

Рис. 4. Материалы верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры (2-я половина IV — 1-я половина V в. н.э.): орудия труда и предметы быта. Памятники: Берель — 46; Верх-Уймон — 6, 7, 16, 24, 27, 32, 41, 42, 45; Дялян — 1, 2, 17–19, 21–23; Кок-Паш — 3–5, 12–15, 31, 34, 43, 52; Усть-Бийке-III — 10, 11, 38, 44; Чендек — 50; Яломан-II — 8, 9, 20, 25, 26, 28–30, 33, 35–37, 39, 40, 47–49, 51, 53, 54. Материал: 1–24, 41, 43–46 — рог и кость; 25–34, 37, 39, 40, 42 — железо; 35, 36, 38 — железо, дерево; 47–49, 51, 53, 54 — дерево; 50, 52 — керамика. Масштаб: 1–47 — 1:3; 48–54 — 1:4

Fig. 4. Materials from the Verkh-Uymon stage of the Bulan-Koby culture (2nd half of the 4th — 1st half of the 5th centuries AD): tools and household items. Sites: Berel — 46; Verkh-Uymon — 6, 7, 16, 24, 27, 32, 41, 42, 45; Dyalyan — 1, 2, 17–19, 21–23; Kok-Pash — 3–5, 12–15, 31, 34, 43, 52; Ust'-Biyke-III — 10, 11, 38, 44; Chendek — 50; Yaloman-II — 8, 9, 20, 25, 26, 28–30, 33, 35–37, 39, 40, 47–49, 51, 53, 54. Material: 1–24, 41, 43–46 — horn and bone; 25–34, 37, 39, 40, 42 — iron; 35, 36, 38 — iron, wood; 47–49, 51, 53, 54 — wood; 50, 52 — ceramics. Scale: 1–47 — 1:3; 48–54 — 1:4

Гребни представлены деревянными (рис. 4.-47) и роговыми (Серегин и др., 2023, табл. 90) изделиями с пятью зубьями и орнаментированным щитком. Близкие предметы туалета встречаются при раскопках памятников усть-эдиганского этапа (Тишкин, Горбунов, 2006, рис. 2.-20, 21).

Деревянные пеналы для инструментов зафиксированы на Алтае в ряде погребений жужанского времени (Тишкин, Мыльников, 2016, с. 74–76, рис. 52, 53, 64, 66, 74). Они состоят из подшестиугольной коробочки, снабженной плоской крышкой (рис. 4.-48), и являются оригинальными изделиями, пока не найденными в комплексах предшествующих этапов.

Посуда представлена деревянными, керамическими и металлическими изделиями. Деревянные миски (рис. 4.-49), блюда на ножках (рис. 4.-51) и кружки (рис. 4.-53, 54) соответствуют своим более ранним булан-кобинским прототипам (Тишкин, Горбунов, 2006, рис. 2.-40–45; 2020, рис. 3.-39–42). Плоскодонные керамические горшки с отогнутым наружу венчиком (рис. 4.-50–52) также отражают сложившиеся производственные традиции (Тишкин, Горбунов, 2006, рис. 2.-37; 2020, рис. 3.-35, 37). А вот на смену медным котлам, известным в ранних памятниках булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2006, рис. 2.-38; 2020, рис. 3.-38), приходят железные казаны, аналогии которым можно наблюдать в материалах Тувы IV–V вв. н.э. (Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 17.-34; Серегин и др. 2023, с. 170–171, табл. 89).

Украшения костюма состоят из серег, колец, диадем, гривен, блях-фаларов и более мелких блях.

Серьги из цветного металла представлены тремя типами: кольчатые с крючком-застежкой (рис. 5.-1), кольчатые с подвеской из цилиндрической спирали (рис. 5.-2–4), крюковидные со щитком из двойной 8-видной спирали (рис. 5.-5, 6). Первый и третий типы уже известны в бело-бомских материалах (Тишкин, Горбунов, 2020, рис. 3.-48, 50). Они имеют сяньбийское происхождение и встречаются в ряде культур Южной Сибири II–V вв. н.э. (Трифанова, 2004, табл. I.-14–16, 19, 22, 27; Худяков, Юй Су-Хуа, 2006, рис. 1.-15, 16, 19, 20; 2, 6, 18). Серьги второго типа стали новыми изделиями для населения Алтая верх-уймонского этапа и могли быть заимствованы в результате контактов с народами Приуралья через Западную Сибирь (Серегин и др., 2023, с. 175–176; Тишкин, 2024).

Серебряные пластинчатые кольца (рис. 5.-7) относятся к редким находкам, неизвестным в более ранних памятниках.

Диадемы рассматриваемого времени — это эллипсовидные или прямоугольные пластины из цветного металла с отверстиями на торцах, украшенные чеканным орнаментом (рис. 5.-8–10) (Серегин и др., 2023, табл. 93, 94). Они продолжают линию развития данного вида, сложившуюся на усть-эдиганском и бело-бомском этапах (Тишкин, Горбунов, 2006, рис. 3.-1–4; 2020, рис. 3.-43–45).

Гривны позднего этапа булан-кобинской культуры представлены изделиями из цветных металлов с перевитым стержнем дуговидной формы, петельчатыми и крючковыми окончаниями. Их центральная часть может быть украшена чеканной сердцевидной пластиной и двумя выступающими по бокам кольцами (рис. 5.-11) или трилистником из таких же колец (рис. 5.-12). Они существенно отличаются от экземпляров предше-

ствующего времени (Тишкин, Горбунов, 2006, рис. 3.-46; 2020, рис. 3.-52–54), хотя на бело-бомском этапе, а также в кокельской и таштыкской культурах есть изделия из уплощенного перекрученного стержня (Тетерин, 2001, рис. 3.-1–7; Трифанова, 2005, рис. 1.-7, 18, 20–23). Гривны из перевитого стержня характерны для Восточной Европы и традиция их изготовления могла проникнуть на Алтай, а затем и в Туву из Приуралья через Западную Сибирь (Тетерин, 2001, с. 111; Трифанова, 2005, рис. 1.-14).

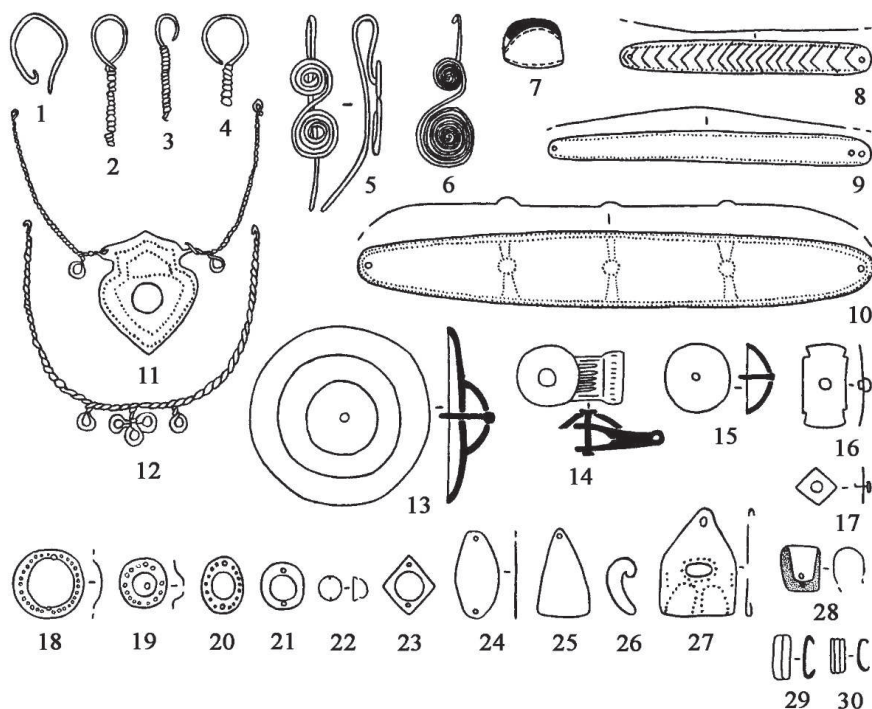

Рис. 5. Материалы верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры (2-я половина IV — 1-я половина V в. н.э.): украшения. Памятники: Берель — 14, 17, 30; Верх-Уймон — 1, 4, 8–10, 18, 20, 23, 24, 28; Катанда-I — 6, 7; Кок-Паш — 11–13, 15, 16, 26, 27, 29; Усть-Буйке-III — 25; Чендек — 5, 19, 21; Яломан-II — 2, 3, 22. Материал: 1–30 — цветные металлы. Масштаб: 1–10, 13–30 — 1:2; 11, 12 — 1:3

Fig. 5. Materials of the Verkh-Uymon stage of the Bulan-Koby culture (2nd half of the 4th — 1st half of the 5th centuries AD): jewellery. Sites: Berel — 14, 17, 30; Verkh-Uimon — 1, 4, 8–10, 18, 20, 23, 24, 28; Katanda-I — 6, 7; Kok-Pash — 11–13, 15, 16, 26, 27, 29; Ust`-Biyke-III — 25; Chendek — 5, 19, 21; Yaloman-II — 2, 3, 22. Materials: 1–30 — non-ferrous metals. Scale: 1–10, 13–30 — 1:2; 11, 12 — 1:3

Бронзовые бляхи-фалары имеют округлую форму и умбон по центру (рис. 5.-13). Эти изделия завершали линию развития крупных блях, сложившуюся на усть-эдиганском и получившую развитие на бело-бомском этапе (Тишкин, Горбунов, 2006, с. 36, рис. 3.-5, 6, 8; 2020, с. 41, рис. 3.-55, 56).

Среди мелких блях из цветного металла (меди, золота и др.) встречаются образцы округлой (рис. 5.-14, 15, 18–22), прямоугольной (рис. 5.-16, 28–30), ромбовидной

(рис. 5.-17, 23), овальной (рис. 5.-24), треугольной (рис. 5.-25), в виде запятой (рис. 5.-26) и пятиугольной (рис. 5.-27) формы. Многообразно их крепление к основе: с помощью шпеньков (рис. 5.-14–17), отверстий (рис. 5.-18–25), загнутых краев (рис. 5.-29, 30) или комбинации из пары элементов (рис. 5.-27, 28). Почти все эти изделия находят соответствия в ранних материалах булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2006, рис. 3.-18–43; 2020, рис. 3.-62–76). Бляхи с умбонами и зернистым орнаментом (рис. 5.-18–21, 23) имели сяньбийское происхождение (Худяков, Юй Су-Хуа, 2006, рис. 3.-6, 9, 12, 20–25, 29).

Обсуждение результатов

В инвентарном наборе верх-уймонского этапа выделяется серия вещей, связанная своим происхождением с материальной культурой хунну (сюнну). Это сложносоставные луки, наконечники стрел с коротким верхним ярусом, треугольным, ромбическим и шестиугольным пером, ножи и кинжалы без деталей на рукояти, мелкие панцирные пластины, рамчатые пряжки с подвижным язычком, наконечники ремней из одинарной пластины, круглые бляхи, кольчатые удила, наконечники стрел с раздвоенным насадом и трубочки. Часть перечисленных предметов появилась у населения булан-кобинской культуры еще на усть-эдиганском этапе, а другие — на бело-бомском, подвергнувшись переработке в деталях оформления (Тишкин, Горбунов, 2020, с. 42).

Более многочисленной является серия предметов, связанная с материальной культурой сяньби. К ней относятся вильчатые наконечники стрел, берестяные колчаны, наконечники копий, мечи со срезанным клинком, дисковым навершием и обоймой на рукоять, панцирные пластины с центральными и добавочными отверстиями, пряжки с подвижным щитком и вертлюгой, крюки, скобообразные и прямоугольные бляхи с кольцом, удила с кольчато-крюковым и крюковым соединением, подпружные пряжки, наконечники стрел с втулкой-свистункой, серьги с крючком-застежкой и со щитком из спиралей, бляхи с умбоном и зернистым орнаментом. Часть этих вещей начала применяться на бело-бомском этапе, а остальные — только на верх-уймонском.

Выделяется и южно-сибирская группа изделий, включающая наконечники стрел с равным и длинным ярусом, четырехгранные наконечники стрел, Т-образные и прямоугольные распределители ремней, цепочки из витых звеньев, ложновитые кольчатые псалии, серповидные ножи и казаны. Она стала формироваться на бело-бомском этапе и достигла пика на верх-уймонском. В этой группе особенно сильные связи прослеживаются между территориями Алтая и Тувы.

Появление отдельных групп предметов можно связывать с контактами населения булан-кобинской культуры с народами Средней Азии (трехгранно-трехлопастные и трехгранные наконечники стрел, шпеньковые пряжки), Западной Сибири и Приуралья (тесла, серьги с цилиндрической спиральной подвеской, перевитые гривны).

Нижняя граница верх-уймонского этапа определяется серединой IV в. н.э. Ее маркируют предметы, ранее неизвестные в памятниках бело-бомского этапа. Это трехлопастные наконечники стрел с длинным верхним ярусом, пятиугольным и килевидным пером, экземпляры с кольцевым упором, ярусные изделия с трехгранно-трехлопастным пером, однолопастные пятиугольные и вильчатые наконечники стрел, наконечники копий сяньбийского облика, двухлезвийные мечи со штифтами и все однолезвий-

ные мечи, панцирные пластины с центральными, окантовочными и добавочными отверстиями и с фигурным боком, пряжки с подвижным двухлопастным щитком, ложновитые кольчатые псалии, рамки овально-вогнутой и замочной формы, витые звенья и пластины-зажимы для повода, звенья из перекрученной восьмерки, ленчики, серповидные ножи, казаны, серьги с цилиндрической подвеской, кольца, перевитые гривны.

Верхняя граница позднего этапа определяется серединой V в. н.э. Ее характеризуют такие вещи, как сложносоставные луки хуннского типа, боевые ножи с выпуклым обухом и наклонным череном, панцирные пластины хуннско-китайского облика, пряжки со шпеньком, одинарные наконечники ремней, костяные черешковые наконечники стрел, серьги с крючком-застежкой и щитком из спиралей, диадемы, бляхи-фалары. Эти предметы уже не бытовали на территории Алтая в памятниках 2-й половины V — 1-й половины VI в. н.э., которые относятся к раннему этапу формирования тюркской общности.

Заключение

Процессы, вызвавшие изменения в материальной культуре населения Алтая на верх-уймонском этапе булан-кобинской культуры, можно связать с очередной смелой властью во Внутренней Азии. К середине IV в. н.э. союз Тоба утратил свое господство в данном регионе, сосредоточившись на покорении Северного Китая, и на освободившихся от сяньби землях в 359 г. образуется орда жужаней. Несмотря на то, что археологические памятники самих жужаней пока не выделены, можно предполагать их материальную зависимость от позднесяньбийского комплекса. Его влияние (особенно в вооружении) отличает и верх-уймонские памятники Алтая (Горбунов, 2006, с. 90).

В 391 г. жужани потерпели поражение от империи Тоба-Вэй и отступили на север Внутренней Азии. Их вождь Шелунь провел военную реформу, повысившую боеспособность войска, и в 402 г. принял титул кагана. Жужани победили в длительной войне княжество Юэбань в Средней Азии (400–419 гг.), подчинили своей власти племена огузов и возобновили набеги на земли Северного Китая (403–410 гг.). В ответ правители Тоба-Вэй организовывали регулярные конные рейды в степи (424–430, 439–458 гг.). Можно предполагать, что в тот период население Алтая участвовало в происшедших событиях, поставляя военные отряды в жужанскую армию. Наиболее активно они могли использоваться на северо-западных рубежах во время войн жужаней со среднеазиатскими хунну (Юэбань). С этим, видимо, связано проникновение части булан-кобинского населения на территорию Лесостепного Алтая, где оно составило один из компонентов одинцовской культуры (Горбунов, 2006, с. 95). Возможно, данная миграция отразилась в уменьшении числа верх-уймонских могильников по сравнению с предыдущим этапом. В то же время на них находят богатые погребения, в первую очередь мужчин-воинов, с разнообразным инвентарем, отражающим не только позднесяньбийские, но и среднеазиатские и западносибирские связи.

В 460 г. жужани захватили владение Гаочан в Восточном Туркестане, из которого переселили на Алтай 500 семей племени ашина в качестве своих данников-кузнецов. В результате стала формироваться новая общность, оставившая памятники тюркской культуры. Булан-кобинская культура прекратила свое многовековое развитие, а ее носители влились в тюркский племенной союз (Тишкин, 2007, с. 188, 194–195).

Необходимо отметить, что периодизация булан-кобинской культуры имеет дальнейшую перспективу. Этому способствует уже имеющийся материал, а также результаты продолжающихся раскопок и естественно-научных анализов, изучение архивных фондов и музейных коллекций. В рамках выделенных этапов уже намечаются ранние и поздние стадии, характеристика которых может быть дана в следующих публикациях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.

Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения казылганской и сыын-чорекской культур) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л. : Наука, 1970. С. 7–79.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Древковое оружие кочевников Центральной Азии в хунно-сяньбийское время // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2022. С. 208–211.

Горбунов В.В. Эволюция панцирных пластин булан-кобинской культуры // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 3. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 153–157.

Елин В.Н. О формировании археологических культур гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск : ГАГПИ ; ГАНИИИЯЛИ, 1992. С. 76–77.

Елин В.Н., Васютин А.С. Новые материалы предтюркского времени из восточного Алтая // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово : КемГУ, 1984. С. 35–39.

Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. (верховья Катгуни) // Труды ГИМ. 1926. Вып. 1. С. 71–106.

Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 4. Иркутск : Изд-во Иркут. техн. ун-та, 2006. С. 242–258.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 75–106.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. 156 с.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. Т. 2. М. : Восточная литература, 2001. 528 с.

Матренин С.С. *Снаряжение кочевников Алтая II в. до н.э. — V в. н.э.* Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т. *Проблемы типологии и хронологии ярусных накопечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории.* Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 121–135.

Радлов В.В. *Из Сибири.* М. : Наука, 1989. 718 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. *Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. — XI в. н.э.: история исследований и основные аспекты интерпретации.* Барнаул : Азбука, 2014. 230 с.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. *Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Кабан-I).* Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. 276 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 5).

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Тишкин А.А., Паршикова Т.С. *Алтай в предтюркское время (по материалам археологического комплекса Чобурак-I).* Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023. 432 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 7).

Соенов В.И. *Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии.* №5. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2000. С. 48–62.

Соенов В.И. *Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ).* Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. 160 с.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Черепанов М.А. *Раскопки погребений гунно-сарматской эпохи на могильнике Верх-Уймон в 2003–2004 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая.* Вып. XIV. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 169–171.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А. *Раскопки средневековых объектов на могильнике Бике-III // Древности Сибири и Центральной Азии.* №1–2 (13–14). Горно-Алтайск : ГАГУ, 2009. С. 74–95.

Соенов В.И., Эбель А.В. *Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь.* Горно-Алтайск : ГАГПИ, 1992. 116 с.

Сорокин С.С. *Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока.* 1969. Т. X. С. 208–236.

Тетерин Ю.В. *Могильник Дялян — новый памятник предтюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири.* Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 155–157.

Тетерин Ю.В. *Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии.* №6. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2001. С. 107–115.

Тетерин Ю.В. *Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии.* Новосибирск : НГУ, 2004. С. 37–82 (Труды гуманитарного факультета НГУ. Сер. II. Вып. 1).

Тишкин А.А. *Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая.* Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Алтая: краткая история изучения и современное содержание // *Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний*. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 294–297.

Тишкин А.А. Результаты радиоуглеродного датирования курганов жужанского времени памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // *Вестник Томского университета. История*. 2017. №49. С. 54–59.

Тишкин А.А. Серьги жужанского времени из некрополя Яломан-II (Центральный Алтай): рентгенофлюоресцентный анализ и круг ближайших аналогий // *Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья*. СПб. : ИИМК РАН, 2024. С. 307–310.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // *Российская археология*. 2006. №3. С. 111–115.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Алтай в сяньбийское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // *Российская археология*. 2020. №3. С. 33–46.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Новые данные по радиоуглеродному датированию погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая (по материалам раскопок курганной группы Степушка-I) // *Теория и практика археологических исследований*. 2013. №1 (7). С. 147–153.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. — V в. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 192 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 2).

Трифанова С.В. Серьги из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // *Древности Алтая*. №12. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2004. С. 92–95.

Трифанова С.В. Классификация гривен Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // *Снаряжение кочевников Евразии*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 201–205.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // *Древности Алтая: Известия лаборатории археологии*. №5. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2000. С. 37–48.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Новые материалы по оружию дистанционного боя сяньби // *Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху*. Новосибирск : НГУ, 2005. С. 7–18.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Украшения сяньби // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2006. Т. 5, вып. 3. Археология и этнография. С. 50–64.

REFERENCES

Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Vasyutin S.A. Eastern Altai in the Epoch of the Great Migration of Peoples (the 3rd–7th centuries). Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2003. 224 p. (*In Russ.*)

Vainshtein S.I. Excavations of the Kokel Burial Ground in 1962 (burials of Kazylgan and Syyn-Chyurek cultures). In: Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition of the USSR Academy of Sciences. Vol. III: Materials on Archaeology and Anthropology of the Kokel Burial Ground. Leningrad : Nauka, 1970. P. 7–79. (*In Russ.*)

Gavrilova A.A. Kudyrge Burial Ground as a Source on the History of the Altai Tribes. Moscow ; Leningrad : Nauka, 1965. 146 p. (*In Russ.*)

Gorbunov V.V. Military Affairs of the Altai Population in 3rd–14th Centuries. Part II: Offensive Armament (weapons). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. 232 p. (*In Russ.*)

Gorbunov V.V. Arms of the Central Asian Nomads in the Xiongnu-Xianbei Time. In: Study of the Ancient History of North and Central Asia: from Origins to the Present. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2022. P. 208–211. (*In Russ.*)

Gorbunov V.V. Evolution of the Armour Plates of the Bulan-Kobin Culture. In: Modern Solutions of Actual Problems of Eurasian Archaeology. Issue 3. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2023. P. 153–157. (*In Russ.*)

Elin V.N. On the Formation of Archaeological Cultures of the Hun-Sarmatian Time in the Altai Mountains. In: Problems of Preservation, Use and Study of Archaeological Sites. Gorno-Altaysk : GAGPI ; GANIIALI, 1992. P. 76–77. (*In Russ.*)

Elin V.N., Vasyutin A.S. New Materials of the Pre-Turkic Time from Eastern Altai. In: Problems of Archaeology of the Steppes of Eurasia. Kemerovo : KemGU, 1984. P. 35–39. (*In Russ.*)

Zakharov A.A. Materials on the Archaeology of Siberia. Excavations of Acad. V.V. Radlov in 1865 (upper reaches of the Katun). *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya = Proceedings of the State Historical Museum*. 1926;1:71–106. (*In Russ.*)

Kovychev E.V. Some Issues of Ethnic and Cultural History of the Eastern Transbaikalia at the End of the 1st Millennium BC — the 1st Millennium AD. In: *Izvestia Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 4. Irkutsk : Izd-vo Irkut. tehn. un-ta, 2006. P. 242–258. (*In Russ.*)

Kozhombardiev I.K., Khudyakov Yu.S. Armament Complex of the Kenkol Warrior. In: Military Affairs of the Ancient Population of North Asia. Novosibirsk : Nauka, 1987. P. 75–106. (*In Russ.*)

Kyzlasov L.R. Ancient Tuva (from Palaeolithic to the 9th Century). Moscow : Izd-vo Mosk. un-ta, 1979. 156 p. (*In Russ.*)

Litvinsky B.A. Oksa Temple in Bactria (Southern Tajikistan). Bactrian Armoury in the Ancient Eastern and Greek Context. Vol. 2. Moscow : Vostochnaya literatura, 2001. 528 p. (*In Russ.*)

Matrenin S.S. Equipment of Altai Nomads of the 2nd c. BC. — 5th Century A.D. Novosibirsk : Izd-vo SO RAN, 2017. 142 p. (*In Russ.*)

Neverov S.V., Mamadakov Yu.T. Problems of Typology and Chronology of Tiered Arrowheads of South Siberia. In: Problems of Chronology in Archaeology and History. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1991. P. 121–135. (*In Russ.*)

Radlov V.V. From Siberia. Moscow : Nauka, 1989. 718 p. (*In Russ.*)

Seregin N.N., Matrenin S.S. Archaeological Complexes of Altai the 2nd c. BC — the 9th Century AD: History of Research and Main Aspects of Interpretation. Barnaul : Azbuka, 2014. 230 p. (*In Russ.*)

Seregin N.N., Demin M.A., Matrenin S.S., Umansky A.P. Northern Altai in the Epoch of the Great Migration of Peoples (on the materials of the archaeological complex Kaban-I). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2022. 276 p. (Archaeological sites of Altai. Issue 5). (*In Russ.*)

Seregin N.N., Matrenin S.S., Tishkin A.A., Parshikova T.S. Altai in the pre-Turkic time (on the materials of the archaeological complex Choburak-I). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2023. 432 c. (Archaeological sites of Altai. Issue 7). (*In Russ.*)

Soenov V.I. Results of excavations at the Verkh-Uymon Burial Ground in 1999. In: Antiquities of Altai: Izvestiya Laboratoria Archeologii. No 5. Gorno-Altaiisk : GAGU, 2000. P. 48–62. (*In Russ.*)

Soenov V.I. Archaeological Sites of the Altai Mountains of the Hun-Sarmatian Epoch (description, systematics, analysis). Gorno-Altaiisk : GAGU, 2003. 160 p. (*In Russ.*)

Soenov V.I., Trifanova S.V., Vdovina T.A., Cherepanov M.A. Excavations of Burials of the Hun-Sarmatian Era at the Verkh-Uymon Burial Ground in 2003–2004. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai. Issue XIV. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. P. 169–171. (*In Russ.*)

Soenov V.I., Trifanova S.V., Konstantinov N.A., Shtanakova E.A. Excavations of Medieval Objects at the Burial Ground Bike III. In: Antiquities of Siberia and Central Asia. №1–2 (13–14). Gorno-Altaiisk : GAGU, 2009. P. 74–95. (*In Russ.*)

Soenov V.I., Ebel A.V. Kurganes of the Hun-Sarmatian Epoch on the Upper Katun. Gorno-Altaiisk : GAGPI, 1992. 116 p. (*In Russ.*)

Sorokin S.S. The Big Berel Barrow (Full edition of the materials of the excavations of 1865 and 1959). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Kul'tura i iskusstvo narodov Vostoka = Proceedings of the State Hermitage Museum. Culture and Art of the Peoples of the East.* 1969;X:208–236. (*In Russ.*)

Teterin Yu.V. Dyalyan Burial Ground — a New Site of the Pre-Turkic Time of the Altai Mountains. In: Problems of Chronology and Periodisation of Archeological Sites of South Siberia. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1991. P. 155–157. (*In Russ.*)

Teterin Yu.V. Grivnas of the Hun-Sarmatian Epoch of South Siberia. In: Antiquities of Altai: Izvestiya Laboratorii Archeologii. No 6. Gorno-Altaiisk : GAGU, 2001. P. 107–115. (*In Russ.*)

Teterin Yu.V. Armament of the Nomads of the Altai Mountains of the Berel Epoch. In: Military Affairs of the Peoples of Siberia and Central Asia. Novosibirsk : NGU, 2004. P. 37–82 (Proceedings of the Faculty of Humanities, NSU. Ser. II. Issue 1). (*In Russ.*)

Tishkin A.A. Creation of Periodisation and Cultural-Chronological Schemes: Historical Experience and Modern Concept of Studying ancient and Medieval Peoples of Altai. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 356 p. (*In Russ.*)

Tishkin A.A. Bulan-Koby Culture of Altai: a Brief History of Study and Modern Content. In: Culture as a System in the Historical Context: Experience of West Siberian Archaeological and Ethnographic Meetings. Tomsk : Agraf-Press, 2010. P. 294–297. (*In Russ.*)

Tishkin A.A. Results of Radiocarbon Dating of the Rouran Time Barrows of the Yaloman-II Site (Central Altai). *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Tomsk University. History.* 2017;49:54–59. (*In Russ.*)

Tishkin A.A. Earrings of the Rouran Time from the Necropolis Yaloman-II (Central Altai): X-ray Fluorescence Analysis and the Circle of the Closest Analogies. In: Cultures and Ci-

vilisations of Central Asia from the Neolithic to the Middle Ages. St. Petersburg : IIMK RAN, 2024. P. 307–310. (*In Russ.*)

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Complex of Archaeological Sites in the Valley of the Biyke River (Mountain Altai). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 200 p. (*In Russ.*)

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Gorny Altai in the Xiongnu time: cultural and chronological analysis of archaeological materials. *Rossijskaya arheologiya = Russian Archaeology*. 2006;3:111–115. (*In Russ.*)

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Altai in the Xianbei Time: Cultural and Chronological Analysis of Archaeological Materials. *Rossijskaya arheologiya = Russian Archaeology*. 2020;3:33–46. (*In Russ.*)

Tishkin A.A., Matrenin S.S. New Data on Radiocarbon Dating of Funerary Complexes of the Bulan-Koby Culture of Altai (based on the excavations of the Stepushka-I kurgan group). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2013;1(7):147–153. (*In Russ.*)

Tishkin A.A., Mylnikov V.P. Woodworking in Altai in the 2nd c. BC — 5th c. A.D. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016. 192 p. (Archaeological sites of Altai. Issue 2). (*In Russ.*)

Trifanova S.V. Earrings from the Sites of Sayano-Altai Sites of Hun-Sarmatian Time. In: *Antiquities of Altai*. No 12. Gorno-Altai : GAGU, 2004. P. 92–95. (*In Russ.*)

Trifanova S.V. Classification of the Sayano-Altai Manes of the Hun-Sarmatian Time. In: *Equipment of Eurasian Nomads*. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. P. 201–205. (*In Russ.*)

Khudyakov Yu.S. Armament of Medieval Nomads of South Siberia and Central Asia. Novosibirsk : Nauka, 1986. 268 p. (*In Russ.*)

Khudyakov Yu.S., Yu Su-Hua. Xianbei Armament Complex. In: *Antiquities of Altai: News of the Laboratory of Archeology*. No 5. Gorno-Altai : GAGU, 2000. P. 37–48. (*In Russ.*)

Khudyakov Yu.S., Yu Su-Hua. New Materials on Xianbei Remote Combat Weapons. In: *Military Affairs of Central Asian Nomads in the Xianbi Epoch*. Novosibirsk : NGU, 2005. P. 7–18. (*In Russ.*)

Khudyakov Yu.S., Yu Su-Hua. Xianbei Jewellery. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2006;5(3:Archaeology and Ethnography):50–64. (*In Russ.*)

Вклад авторов / Contribution of the Authors

Тишкин А.А.: идея публикации, подготовка и оформление статьи, обсуждение результатов, редактирование рукописи.

A.A. Tishkin: idea of publication, preparation and design of the article, discussion of results, editing the manuscript.

Горбунов В.В.: описание и анализ материалов, формирование основного текста, подготовка иллюстраций, редактирование рукописи.

V.V. Gorbunov: description and analysis of materials, main text formation, preparing illustrations, editing the manuscript.

Информация об авторах / Information about the Authors

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, главный научный сотрудник Отдела сопровождения НИОКР Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Alexey A. Tishkin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Chief Researcher R&D Support Department, Altai State University, Barnaul, Russia.

Горбунов Вадим Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Vadim V. Gorbunov, Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024;

одобрена после рецензирования 15.11.2024;

принята к публикации 25.11.2024.

The article was submitted 30.09.2024;

approved after reviewing 15.11.2024;

accepted for publication 25.11.2024.